

Правда. - 1988. - 14 сент. - с. 6

Тайна домика в Гурзуфе

О чем рассказало неизвестное ранее письмо А. П. Чехову

Как сообщала «Правда» в прошлом году, домик в Гурзуфе, где в начале века жил великий писатель, превращен в музей. Здесь Антон Павлович начал работать над пьесой «Три сестры».

«Саклей среди скал» назвал домик И. А. Бунин, гостивший у Чехова в ту пору. Дача приютилась на крутом склоне у Черного моря. Писатель не зря выбрал такое глухое, «секретное» местечко. В ялтинской усадьбе — все время люди, работать не дают. «Я за бумагу, — с досадой писал Чехов, — как отворяется дверь и вползает какое-нибудь рыло». Не мог деликатный, sensitive Антон Павлович закрыться от посетителей: я, мол, занят, не беспокойте. А теперь — попробуй найди среди камней, буйных зарослей тропинку к его обители.

Отправляясь в дальние поездки, Чехов оставлял дачу в Гурзуфе на попечение Никиты Алексеевича Винокурова-Чигарина, учителя здешней татарской земской школы. Их дружба не была случайной. Антон Павлович стремился познать духовный мир рыцарей народного просвещения, собиравших написать повесть или рассказ об их благородном труде. «Я знаю, — признавался он, — в мельчайших подробностях судьбу 30—40 учителей моей местности».

Имя гурзуфского учителя не раз встречается в переписке А. П. Чехова и О. Л. Книппер. В записной книжке Антона Павловича значится его адрес. Но кто бы мог подумать, что крымский знакомец писателя через 80 с лишним лет напомнит о себе.

Научный сотрудник Института мировой литературы А. С. Мелкова в рукописном фонде Библиотеки имени В. И. Ленина обнаружила неизвестный до сих пор документ. Н. А. Винокуров-Чигарин сообщал Чехову о том, что в его гурзуфскую дачу 13 октября 1902 года нагрянула полиция. «В квартиру пригласили двух понятых и началось выношение и искание крамолы. Визит продолжался около четырех часов. Мне очень неприятно, что отмыкали замки у вашего письменного стола».

И нашли крамолу. «Арестовали» листок с басней «Голуби-победители». Сатирический текст ходил тогда по рукам. Неизвестный стихотворец издевался над решением Святого синода, по которому Л. Н. Толстой объявлялся врагом церкви и отлучался от нее. «Ни для кого уж не секрет, — говорилось в басне, — что послан Льву такой декрет, чтоб с Голубями он не смел летать,

покуда сам не научился, как Голубь, ворковать и крошки хлебные клевать». Басня избличала главу синода — царского опричника Победоносцева, который способен «в лице своем соединить... и кротость Голубя и хитрость Змея».

В то время Лев Николаевич жил в Гаспре, недалеко от Ялты. Чехов часто его навещал. «Видаю здесь Чехова, совершенно безбожника, но доброго», — писал Толстой.

По личному распоряжению Победоносцева в усадьбу Паниной, где поселился тяжело больной писатель, должен был проникнуть священник и объявить, что граф Толстой перед смертью покаялся и вернулся в лоно православной церкви.

Теперь, после находки письма гурзуфского учителя, можно предполагать, что беседы Чехова с Толстым касались не только литературных дел. Они обсуждали и революционную ситуацию в России, массовые выступления студентов, рабочих против самодержавия.

О великих людях нередко пишут помпезно, высоким слогом. Не человек — икона. Подробности личной жизни, бытовые моменты — боже упаси. Это, мол, все равно что подсмотреть в замочную скважину. Но разве можно без душевного трепета читать переписку двух любящих друг друга людей — великого писателя и великой актрисы!

В конце декабря 1902 года Никита Алексеевич Винокуров-Чигарин отправился из Гурзуфа в

Москву с наказом Чехова побывать в Художественном театре, навестить Ольгу Леонардовну. Через несколько дней она сообщила мужу: приехал гурзуфский учитель, пил чай... С восторгом говорил о нашем театре, о «На дне». А через два дня актриса пригласила гостя посмотреть «Три сестры». Машу Прозорову играла О. Л. Книппер. Для нее писал эту роль Антон Павлович. «После второго акта, — пишет она Чехову, — приходил Винокуров в восторге, говорит, что «Три сестры» ему нравятся больше, чем «На дне»... Завтра он едет и увидит тебя».

Ольга Леонардовна передала мужу подарки ко дню его рождения, послала и фотографию: «Свою физию вкладываю, если она тебе счастье может принести». Этот портрет можно сейчас увидеть в Ялтинском доме-музее писателя с надписью: «Поздравляю, милый мой! 17 января 1903 года». И вслед письмо в Крым: «Как ты провел день своих именин?.. Вумажник нравится или нет?.. Конфеты кушаешь? Рожицу мою нашел?»

Чехов сообщает: «Сегодня приехал учитель, привез от тебя подарки. Прежде всего, миллион поцелуев за карточку, кланяюсь в ножки... За конфеты тоже низко кланяюсь, хотя конфет я не ем; мать очень любит их, стало быть, ей отдам...»

Каждое слово волнует, словно мелодия забытого романа. Щемящие эти строки («вписываются» в атмосферу гурзуфского домика. Он стал таким, каким его изобразила Мария Павловна Чехова акварельными тонами: белые стены, черепичная крыша, деревянный штaketник. Чуть ли не во всю стену — окно, а перед ним стол. На столе — страницы из «Трех сестер».

Море штормит. Сквозь грохот волн как бы пробивается голос: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится зловая, сильная буря, которая идет, уже близка, и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

Шторм не может заглушить монолог барона Тузенбаха из «Трех сестер». Может быть, волны, разыгравшиеся тогда у подножия гурзуфской дачи, подсказали писателю эти пророческие слова...

В. МОЛЧАНОВ.

(Спец. корр. «Правды»).

Крымская область.

● Вид из домика в Гурзуфе. Фото Н. Орлова.

